

Рос. АН, Казан. науч. центр, ИЯЛИ. – Казань, 1992. – 144 с.; Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с.; Губайдуллин, А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / А.М. Губайдуллин. – Казань, 2002. – 232 с.;

2. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. (Под ред. Усманова М. и Хакимова Р.). – 956 с.;

3. Бурханов, А.А. Золотоордынские памятники Поволжья: некоторые итоги, проблемы и перспективы изучения, сохранения и использования памятников в Среднем и Нижнем Поволжье (по материалам исследований поселений XIII-XVI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в 1995-2004 гг.) / А.А.Бурханов // История и современность. - №1, Март, 2007. – С. 85-108.;

4. Бурханов, А.А. Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы / А.А. Бурханов // Казанское ханство: Актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С. 246-267; Руденко, К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура / К.А Руденко. – Казань: Школа, 2007. – 241 с.

5. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во вост. лит-ры - 1962. с.520. - стб. 352-353, 390, 460.

6. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.17-29.

7. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.30-31.

8. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-XIII вв. / Ф.Ш.Хузин; отв. ред. А.М.Белавин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 480 с. – С.32-37.

9. Моця, А.П. Булгар – Киев. Пути. Связи. Судьбы / А.П. Моця, А.Х. Халиков. – Киев, 1997.

10. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) / Е.И.Чернышев // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 272-292.

11. Галлямов, Р. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции / Р. Галлямов // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань: Фэн, 2002.

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SETTLEMENTS OF THE VOLGA –KAMYA IN THE X - THE MIDDLE OF XVI CENTURIES

Nadirova K. G.

In clause is considered by formation and development of the system of settlements of the Volga-Kamya in the X - the middle of XVI centuries within the limits of the states of structure: the Volga - Kamskaya Bulgaria, Bulgarian ulus of the Golden Horde and the Kazan Khanate. It is established, that in the medieval period with occurrence of the new state has changed hierarchy of cities in system of settlements of region, and the new capital was founded. The system of settlements of Volga - Kamya has expanded a place of the civilized world of the Middle Ages.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 72.036

РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ФАКТОР АВТОРСТВА)

Сергачев С. А.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Жилые и общественные здания», БНТУ

При совершенствовании сложившейся среды или отдельных объектов архитектуры не всегда учитывают их принадлежность к творчеству известных архитекторов-авторов. Это не содействует сохранению архитектурно-художественного образа существующего здания или сооружения, которое может быть отнесено даже к достижению белорусской архитектуры. Предлагается разработать рейтинг архитекторов, работавших и работающих в Беларуси, чтобы объективнее оценивать достоинства произведений архитектуры при принятии решений о реконструкции, сохранении или сносе зданий и сооружений.

Введение. Регламент отнесения объекта историко-культурного наследия к той или иной категории ценности отработан, но критерии [1, с. 12–13], по которым определяется особенность объекта, в том числе и произведения архитектуры, практически не учитывают личность автора, создавшего его. Методика придания материальным объектам статуса историко-культурной ценности основывается на применении определенных критериев, указанных в Статье 20 Закона “Об охране исто-

рико-культурного наследия Республики Беларусь”. Перечень критериев, которыми должен руководствоваться Научно-методический совет, состоит из множества позиций – около трех десятков, которые, казалось бы, предусматривают все возможные варианты для рассмотрения и обсуждения при принятии решения о включении объекта в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Но ни одна из этих позиций не ориентирует на учет того, кто именно является автором того или иного объекта.

Основная часть. Один из критериев указывает, что объект-претендент на получение статуса историко-культурной ценности должен быть “авторским произведением искусства” (Статья 20, пункт 1.1). Но такая трактовка не учитывает, насколько известен автор, насколько его творчество характеризует эпоху или отдельный исторический период и т.д. Кроме того, такая редакция критерия однозначно относит его применение к объектам искусства, а вот применение его к объектам архитектуры может считаться не обязательным.

В какой-то мере учет авторства может происходить при использовании критерия, оговаривающего, что объект-претендент на получение статуса историко-культурной ценности должен быть «непосредственно связан» с “жизнью и деятельностью известных личностей мира и Республики Беларусь” (Статья 20, пункт 1.3). Но неясно, как определить, является ли автор известной личностью Республики Беларусь? В этом просматривается широкое поле для субъективных мнений и принятия возможных конъюнктурных решений.

Такое положение делает памятники архитектуры как бы обезличенными, они могут рассматриваться вне связи с творчеством конкретных авторов. При этом следует отметить, что в целом объекты архитектурного наследия Беларуси, если судить по опубликованному государственному списку историко-культурных ценностей, сведениями об авторах сопровождаются недостаточно. Исторически так сложилось, что в Беларуси вплоть

до конца XIX в. известны авторы совсем немногих объектов архитектуры. Лишь с конца XIX в. положение улучшается, чему содействовали большая, чем прежде, обязательность разработки проектно-сметной документации, лучшая сохранность архивных материалов, расширение спектра литературных источников, периодической печати и т.д.

Традиционный для Беларуси недостаток информации об архитекторах-авторах, возможно, сказался на том, что и для произведений архитектуры, относящихся к временам, более близким к нам, какая-либо фиксация их связи с творчеством конкретных личностей считалась необязательной. Хотя несложно установить авторство, закрепить его в мемориальных досках или каким-либо иным способом соединить объект архитектуры с личностью, его создавшей. Возможно, в этом просматриваются и последствия социальных экспериментов, которые испытало наше общество в XX в., когда больше ценились коллективные усилия, а не проявления индивидуальных достоинств личности, в том числе и в архитектурном творчестве. Однако, подобная обезличенность объектов архитектуры не содействует сохранению их как объектов историко-культурного наследия.

Поэтому возникает ощущение, что не все, что может быть критерием при оценке произведения архитектуры, используется при определении его истинной значимости и места среди объектов, получивших статус историко-культурного наследия.

В связи с этим как раз и возникают проблемы, так как в мировой практике достижение любым объектом материальной культуры и художественной культуры возраста в 40–50–60 лет может служить основанием для рассмотрения вопроса о признании его, как объекта, имеющего историко-культурное значение. Если Закон Республики Беларусь “Об охране историко-культурного наследия” в 1992 г. [2, с. 14] не определил какие-либо подобные параметры, то его новая редакция от 9 января 2006 г. [3, с. 17], учитывая, возможно, практику применения подобной регламентации в других странах, установи-

ла в качестве одного из критериев отбора для придания материальному объекту статуса историко-культурной ценности срок – не менее 40 лет “со времени первоначального создания недвижимого материального объекта” (Статья 20, пункт 2). Возможно, и другое – это стало своеобразной реакцией на процессы становления нового государства – Республики Беларусь, осознания достижений собственной истории, поиска дополнительных обоснований признания достижений предшествовавших исторических периодов.

Но это одновременно стало основанием того, что здания и сооружения, построенные до 1970 г. многими уже воспринимаются, как получившие возможность сохраниться, так как являются историко-художественной ценностью. Безусловно, возраст здания или сооружения – не единственный фактор признания его историко-культурной значимости, а порой и не самый главный. Но он все же является как бы изначальным, он воспринимается априорным, и, если он известен, его не надо доказывать или ставить под сомнение, в отличие от других критериев. Он подтверждается конкретными документами, которые по такому историческому периоду, как 1950–70 гг., находятся в хорошей сохранности.

Данное обстоятельство становится особенно важным для Беларуси, так как именно в 1950–60 гг. начинается новый этап формирования белорусской архитектурной школы. А в конце 1960-х гг. архитекторы, получившие высшее образование в Беларуси (1958 г. – первый выпуск архитекторов в БПИ), выдвигаются на лидирующие позиции, им стали доверять авторство при проектировании ответственных объектов, что существенно активизировало процессы формирования национальной архитектурной школы.

Создание в Белорусском политехническом институте в 1946 г. кафедры “Архитектура” (первый заведующий кафедрой – Егоров Ю. А.), безусловно, содействовало более качественной подготовке специалистов для строительной отрасли республики. При этом некоторые выпускники строи-

тельного факультета БПИ – Рыминский Л. Н., Барсуков М. З., не имея в дипломе записи о том, что их специальность – «Архитектура», в первые послевоенные годы и в последующем смогли все же заметно проявить себя в архитектурной деятельности. Но открытие в БПИ в 1952 г. специальности «Архитектура» да и сам факт набора студентов на первый курс стали важными событиями в развитии высшего образования в республике, в подготовке специалистов для строительного комплекса и в культурной жизни Беларуси в целом. Впервые в республике началась подготовка специалистов-архитекторов на высшем уровне обучения. Поэтому первый выпуск в БПИ архитекторов в 1958 г. можно воспринимать и как своеобразное начало нового этапа в архитектурном процессе Беларуси. Вскоре к ним подключились выпускники Брестского инженерно-строительного института (современный Брестский государственный технический университет) – первый выпуск архитекторов состоялся в 1971 г. Его выпускники тоже стали активными участниками архитектурного процесса в Беларуси, а белорусская архитектурная школа стала еще более сложно структурированным явлением.

Это становится актуальным для современной Беларуси, так как все чаще возникают проблемы, когда архитектурный процесс затрагивает среду и сооружения, созданные в 1940–70-х гг. Опыт реконструкции городской застройки в ряде случаев показывает, что не всегда принимается во внимание контекст сложившейся в этот период среды, не учитываются, как определенная историко-художественная ценность, особенности отдельных зданий. Проявляется готовность, прежде всего исходя их меркантильно-финансовых интересов, даже к уничтожению зданий, хотя некоторые из них уже прочно вошли в сложившуюся композицию города, в его привычный силуэт. И крайне недостаточно, при решении вопросов сохранения того или иного объекта или его перестройки, используется факт связи здания и сооружения с творчеством конкретных архи-

текторов. А это всегда содействовало раскрытию значимости произведений архитектуры, своеобразному встраиванию их в общее русло архитектурного процесса.

Поэтому если бы была выработана некая шкала оценки творчества архитекторов, работавших в Беларуси, в виде рейтинга, определяющего значимость личности архитектора, его вклад в развитие национальной или мировой архитектуры, творческую высоту идей и образов, формирующих его произведения, то, возможно, был бы уточнен и алгоритм действий, устанавливающих, в необходимых случаях, историко-культурную значимость произведения архитектуры. Возможно, это позволило бы отразить и особенность архитектурного процесса Беларуси, а именно – начало творческого пути архитекторов, получивших высшее архитектурное образование в белорусских вузах.

В связи с этим, следует отметить, что уже имеется опыт составления рейтинговых оценок архитекторов, художников. Достаточно широко известен опыт определения рейтинговых оценок творчества художников, который применяется в сфере антиквариата. Например, разработан и предложен для использования российский художественный рейтинг – единый рейтинг художников XVIII–XXI веков, работающих, работавших либо родившихся на территории Российской империи, СССР, “русского зарубежья”, Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза [4].

Критерии, разработанные для оценки произведений искусства, учитывают множество позиций, но среди них отправным моментом является личность автора произведения. При этом выполнено деление творческих личностей на две категории “А – авторский”, для которого художественный уровень произведений является главным, и “В – востребованный”, преимущественно ориентированный на запросы художественного рынка.

Отнесение художника к той или иной категории или к тому или иному уровню в какой-то категории может зависеть не только от разных критериев (наличие профессио-

нального образования, оценка искусствоведскими, приобретение работ ведущими музеями, новаторство, количество упоминаний в прессе и др.), но и от того, насколько он подражает предшественникам или повторяет собственные удачные решения. Упорядочению рейтинговых категорий художников содействуют и принятые условные возрастные ограничения, хотя это и очень спорное положение. Например, современному художнику не может быть присвоен первый рейтинговый уровень, а второй – художнику, чей возраст не превышает 60 лет и т.д., в чем просматривается безусловная необходимость своеобразной проверки художественного уровня произведения временным фактором.

По аналогии с рейтинговыми категориями для художников существует описание рейтинговых категорий, применимое и для архитекторов. На основании этих категорий рейтинговым центром Профессионального союза художников России в 2002 году составлен и рейтинг архитекторов [5]:

1 – архитектор мирового значения, проверенный временем (не менее одного века);

1А – архитектор мирового значения;

1В – архитектор высокого профессионального уровня, востребованный заказчиками и пользующийся авторитетом у власти;

2А – архитектор-профессионал высокого уровня с индивидуальной творческой манерой;

2В – архитектор-профессионал, востребованный заказчиками и пользующийся авторитетом у власти;

3А – архитектор-профессионал высокого уровня с узнаваемой творческой манерой;

3В – архитектор-профессионал, востребованный заказчиками;

4А – профессиональный архитектор, реализующий творческий потенциал;

4В – состоявшийся профессиональный архитектор;

5А – профессиональный архитектор с творческим потенциалом;

5В – профессиональный архитектор;

6А – архитектор с творческим потенциалом;

6В – практикующий архитектор;

7 – начинающий архитектор.

Одно из изданий Единого художественного рейтинга, издающихся под редакцией С. В. Заграевского, было посвящено рейтинговой оценке архитекторов [6]. Однако кри-

тика, кроме неточностей, обратила внимание и на проявление протекционизма относительно действующих архитекторов [7], озабоченных повышением своего рейтинга для более активного и эффективного продвижения собственной продукции на рынок проектных услуг. Тем не менее, подобные разработки для нас представляют интерес методическими подходами и результатами, так как рейтинг составлялся с включением некоторых архитекторов, работавших и работающих в Беларуси [5]:

- рейтинг 1 – И.В. Жолтовский, И.А. Фомин;
- рейтинг 1 А – Г.П. Гольц;
- рейтинг 2 А – И.Г. Лангбард, Н.А. Львов, Л. Гуцевич (Стуока-Гуцявичюс);
- рейтинг 2 В – Г.В. Заборский, Ю.П. Григорьев, А.К. Кавос, Б.Р. Рубаненко, С.Б. Сперанский;
- рейтинг 3 В – Л.С. Аранаускас, А.Н. Белоконь, Ю.М. Градов;
- рейтинг 4 А – Л.М. Левин, Л.А. Соскин.

Не предлагая данные разработки взять за основу, не настаивая на признании приведенных результатов и не ставя их под сомнение, возможно, следует, используя этот опыт, попробовать составить рейтинг, который учел бы наши особенности, среди которых факт зарождения белорусской архитектурной школы занимает особое место. Такая работа позволила бы точнее разобраться в ценности наследия, которое сегодня является частью архитектуры Беларуси. Возможно, учет сведений об авторе при рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе произведения архитектуры каким-то образом сможет служить ему защитой. Тогда бы общественное мнение меньше возмущало слухи и действия, когда архитектурная общественность вынуждена предпринимать различные меры, предвидя возможность несправедливого решения о будущем некоторых известных зданий.

Такая работа вполне могла бы выполняться комиссиями Белорусского союза архитекторов, Белорусского общественного объединения архитекторов и деятелей строительных наук, Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры и другими общественными организациями. Безусловно, мо-

гут быть предложены иные методические подходы, другие системы категорий и критериев. А вот достойное произведение архитектуры, которое будет неразрывно связано с личностью автора, может получить дополнительную поддержку в том, чтобы прочнее закрепиться в общественном сознании как достижение белорусской архитектуры.

Выводы: Необходимо совершенствование критериев оценки историко-культурной ценности объектов архитектуры.

Один из резервов в поиске дополнительных критериев, определяющих историко-культурную значимость зданий и сооружений прежних лет строительства, просматривается в обязательном выявлении их связи с творчеством архитекторов – авторов произведений архитектуры.

Одним из направлений решения данной проблемы может стать составление рейтингов архитекторов, работавших и работающих в Беларуси.

Литература :

1. Закон Рэсп. Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэсп. Беларусь”, 9 студзеня 2006 г. / – Мінск : РУП “Ізд-во “БДП”, 2006. – 46 с.
2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны : Закон Рэсп. Беларусь, 13 лістапада 1992 г. // *Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь*. – 1992. – № 30. – С. 3–42.
3. Закон Рэсп. Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэсп. Беларусь”, 9 студзеня 2006 г.
4. Положение о Рейтинговом центре Профессионального союза художников // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: – Дата доступа: 9.11.2010.
5. Рейтинг архитекторов, составленный Профессиональным союзом художников в 2002 году // [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: – Дата доступа: 9.11.2010.
6. Единый художественный рейтинг. Справочник. Выпуск 6. Номинация “Архитекторы”. – М. : АЛЕВ-В. 2002. – 96 с.
7. Рейтинг или классификация? // [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: ru/ magazine/872. – Дата доступа: 9.11.2010.

RATING ASSESSMENT OF THE OBJECTS OF ARCHITECTURAL HERITAGE (FACTOR OF THE AUTHORSHIP)

S. A. Sergachev

While improving the current environment or the individual objects of architecture do not always consider their belonging that they belong to the creation of the famous architectures-authors. This does not promote the

preservation of architectural and artistic image of an existing building or structure, which can be attributed even to the achievement of Belarusian architecture. It is proposed to develop a rating of architectures, that were working and work in Belarus, to objectively evaluate the

values of creation of architecture in making decisions about reconstruction, preservation or demolition of buildings and structures.

Поступила в редакцию 21.04.2011

УДК 711.5

ВИДЫ ЖИВОПИСИ В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА

Слаук С.Я.

ассистент, кафедра «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

В статье произведена попытка классификации различных видов живописи, существующих в архитектурной среде современного города. Проведен анализ материалов, полученных методом фото фиксации, а так же фотографий и информации, предоставленной сетью интернет. Результат типологического исследования выражен в таблице.

Введение. В настоящий момент в крупном современном городе можно наблюдать разнообразие возможностей живописи в архитектуре, которое выражается не только в вариациях техник исполнения, специфике предназначения, различии временных стилей, но и в принципиально разных изобразительных языках, которые сформировались уже в самостоятельные направления настенной живописи. Сегодня в городской среде встречается живопись, которая не вполне отвечает понятиям Монументальной. Такой вид живописи можно условно обозначить более соответствующим ему термином – настенная урбанистическая живопись, или Mural – росписи, какие-либо произведения искусства, выполненные непосредственно на стене, потолке или других крупных постоянных поверхностях. Поэтому, прежде всего можно сразу разграничить две различные категории живописи в городской среде:

– *Монументальная живопись* – вид синтеза искусств, предназначенный для активного взаимодействия с архитектурной средой, решения композиционных задач в архитектуре города. Выражает наиболее актуальные идеи, воплощая философские концепции, возвышенные общезначимые явления и идеалы. Для дос-

тижения синтеза искусств использует соответствующие композиционные приёмы и принципы. В понятие монументальной живописи так же входит *монументально-декоративная живопись* – вид монументального искусства, выполняющий вспомогательную роль по отношению к архитектурным сооружениям, являющийся их необходимым дополнением, усиливающим выразительность их общего строя и композиционных особенностей.

Отличительной чертой монументальной и монументально-декоративной живописи является то, что они создаются из долговечных материалов в таких техниках как фреска, сграффито, мозаика, витраж, майолика и так далее. Характерно для этого рода живописи и то, что произведения выполняются профессионалами – художниками монументалистами, в идеале в сотрудничестве с архитекторами [1].

– *Урбанистическая живопись*, принадлежит к роду *публичного* (или *общественного*) *искусства*, создается уже в состоявшейся архитектурной ситуации с согласия и при сотрудничестве правительства или компании, которая управляет данным территориальным пространством. Кроме того, имеет место факт ее многочисленного возникновения без каких-либо санкций (граффити). При проектировании городской среды изначально не предусматривается, хотя может впоследствии удачно и тактично быть привнесённой в общую картину города. Иногда носит иронический, шуточный тон, или напоминает наивное народное искусство. Может иметь глубокий и